

Александр Восьмой

**УЖАСЫ Боевик Литиум
(Даффи Толстяк)**

18+

Александр Восьмой

**УЖАСЫ Боевик Литиум
(Даффи Толстяк)**

«Автор»

2026

Восьмой А.

УЖАСЫ Боевик Литиум (Даффи Толстяк) / А. Восьмой —
«Автор», 2026

В воздухе висит горький запах гари и раскалённого металла, а небо затянуто дымом от бесконечных залпов. Канцлер Литиум ведёт в бой свою чудовищную армию — миллион батарей артиллерии, миномётов и ракетниц, превращая землю в выжженную пустошь. Его солдаты носят нашивки в виде молнии — знак слепой верности и разрушительной мощи. Но на пути этой стальной лавины стоят снайперы царя Гоголь Кана — тени среди руин, мастера скрытности и смертоносной точности. Это не просто война — это столкновение двух миров, где грохот канонады сливается с тишиной прицельного выстрела, а каждый миг может стать последним. Погрузитесь в эпицентр апокалиптического противостояния: здесь нет места слабости, а выживание зависит от скорости реакции и твёрдости руки. Книга, которая заставит ваше сердце биться в ритме разрывов снарядов!

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

УЖАСЫ Боевик Литиум (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Молния на ткани, кровь на снегу»

Ледяная столица дышала холодом, который проникал не только под шинели, но и в самое нутро. Ветер, словно разъярённый зверь, метался по узким переулкам, срывая с крыш куски кровельного железа и швыряя их в темноту. Газовые фонари дрожали в своих чугунных оправах, их свет был тусклым и болезненным, будто сам город уже умирал, а эти огоньки — лишь последние судороги угасающей жизни.

В тронном зале, где даже мраморные колонны казались покрытыми инеем, Канцлер Литиум склонился над столом, заваленным картами и донесениями. Но сейчас его внимание было приковано не к линиям фронта, а к куску плотной чёрной ткани и тонкой серебряной нити. Перед ним стоял молодой адъютант — бледный, напряжённый, с глазами, в которых плескался не столько страх, сколько благоговейный ужас.

Литиум не доверял никому делать это первым. Ритуал должен был начаться с его рук. Молния — не просто символ. Это был знак новой эры, эры тотального огня, эры, когда любое сопротивление будет сметено градом снарядов, когда сама земля задрожит от мощи его армии.

— Держи ровно, — голос Литиума прозвучал сухо, без эмоций, но в нём чувствовалась сталь. — Если шов пойдёт криво, это будет дурным предзнаменованием.

Адъютант сглотнул, его кадык дёрнулся. Он замер, стараясь не дышать, чтобы не сбить концентрацию канцлера. Игла, казалось, светилась в полумраке, когда Литиум в очередной раз прокалывал ткань. Каждый стежок ложился с методичной точностью, словно он вышивал не символ, а приговор целому миру.

Когда последний узел был затянут, Литиум отступил на шаг. Молния на чёрном фоне выглядела зловеще — будто застывший разряд, готовый в любой момент сорваться и поразить врага. Он приложил нашивку к плечу адъютанта, и тот вздрогнул, будто от прикосновения льда.

— Теперь ты носишь знак огня, — произнёс Литиум, и в его голосе впервые проскользнуло что-то похожее на гордость. — Пусть все видят: мы не отступим. Мы сожжём всё, что встанет на нашем пути.

Но едва эти слова прозвучали, как тишину разорвал резкий звук — не грохот артиллерии, не вой ветра, а тихий, едва уловимый щелчок. Он прозвучал где-то далеко, за стенами дворца, но отозвался эхом в груди каждого, кто его услышал. Это был звук затвора снайперской винтовки.

Разведчик ворвался в зал, едва не сбив с ног охрану. Его лицо было белее снега, а глаза — расширены до предела.

— Снайперы, — выдохнул он, хватая ртом воздух, от которого тут же поднимался пар. — Они уже в городе. Мы засекли первый выстрел... он был сделан с крыши собора Святого Мартина. Расстояние — почти два километра. Ни один стрелок не смог бы...

Литиум медленно опустил руку, всё ещё держа в пальцах иглу. Его взгляд стал острым, как лезвие.

— Сколько их?

— Не знаем, — разведчик с трудом сглотнул. — Мы не можем их засечь. Они... они не оставляют следов. Первый наш патруль исчез без следа. Только кровь на снегу — и никаких тел.

За окном снова что-то щёлкнуло. На этот раз ближе. Где-то в переулке, всего в нескольких кварталах отсюда. И в этот момент все поняли: снайперы царя Гоголь Кана не просто пришли. Они уже были здесь. Они наблюдали. Они ждали.

Литиум резко повернулся к адъютанту:

— Поднять артиллерию. Все батареи — к готовности. Миномёты, ракетницы — всё, что у нас есть. Пусть этот город станет огненным адом, если понадобится. Мы не позволим им диктовать условия.

Адьютант кивнул, его пальцы дрогнули, когда он коснулся нашивки-молнии на своём плече. В этот момент она показалась ему не символом силы, а проклятием.

Ветер завыл с новой силой, и где-то вдалеке, среди лабиринта обледенелых крыш, мелькнула тень. Ещё один щелчок. Ещё одна смерть, которая уже выбрала свою жертву.

Город замер в ожидании первого залпа. Но в этой тишине было что-то страшнее любого грохота — ощущение, что за каждым углом прячется смерть, и она уже прицелилась.

Глава 2. «Миллион батарей: симфония разрушения»

Рассвет в ледяной столице не был похож на рассвет. Он не окрашивал небо в розовые и золотые тона, не пробуждал птиц и не сулил надежду. Вместо этого горизонт вспыхнул багровым заревом — не от солнца, а от тысяч оружейных стволов, выстроившихся по дуге в сто восемьдесят градусов. Они стояли плотными рядами, как стальные зубы гигантского зверя, готового сомкнуть челюсти на городе.

Миллион стволов. Артиллерия, миномёты, ракетницы — вся огневая мощь, собранная Литиумом за годы подготовки, теперь была направлена в одну точку: в лабиринт крыш, переулков и заброшенных зданий, где, по данным разведки, затаились снайперы царя Гоголь Кана.

Канцлер Литиум стоял на наблюдательном пункте — на верхней площадке старой водонапорной башни, откуда открывался вид на весь фронт. Его фигура казалась высеченной из камня: неподвижная, прямая, с нашивкой-молнией, тускло поблёскивающей на плече. Рядом с ним замер адъютант, всё ещё ощущавший тяжесть той самой нашивки, которую Литиум пришил ему вчера. Теперь она казалась не знаком отличия, а клеймом, предвещающим беду.

— Огонь, — произнёс Литиум тихо, почти шёпотом. Но этот шёпот был услышан всеми: по цепи команд он промчался от пункта к пункту, от офицера к наводчику, от расчёта к расчёту.

И тогда мир взорвался.

Первый залп ударил по городу, как удар грома, только без паузы между вспышкой и звуком — здесь они слились в единое целое. Грохот был таким мощным, что снёс сам звук: люди переставали слышать, но продолжали чувствовать. Вибрация проникала в кости, заставляла зубы стучать, а сердца — биться в унисон с ритмом разрушения. Земля дрожала, как в агонии, будто сама природа кричала от боли.

Снаряды летели в небо, оставляя за собой дымные хвосты, и падали вниз, разрывая крыши, круша стены, превращая целые кварталы в груды обломков и пыли. Взрывы накладывались друг на друга, создавая непрерывную волну огня и дыма. Казалось, что сам воздух стал жидким пламенем.

Но среди этого хаоса, сквозь рёв артиллерии и грохот взрывов, проскальзывало нечто странное.

Это были не звуки войны — это были звуки смерти, тихие и точные. Щёлк. Ещё один щелчок. И ещё.

Снайперы царя Гоголь Кана не прятались. Они охотились.

Первые потери среди артиллеристов были замечены почти сразу. Наводчик у гаубицы № 1243 вдруг резко дёрнулся и рухнул, не издав ни звука. В его виске зияло аккуратное отверстие — пуля вошла точно, без лишней жестокости, но с абсолютной эффективностью. Рядом с ним, у миномётного расчёта, второй солдат схватился за грудь и осел на землю, его пальцы судорожно сжимали край станины. Третий — у ракетницы — просто исчез: его тело сорвало с места невидимой силой, и оно исчезло в клубах дыма, будто его и не было.

Офицеры кричали, пытаясь навести порядок, но их голоса тонули в грохоте. Артиллеристы оглядывались по сторонам, их глаза были расширены от ужаса. Они привыкли к смерти, которая приходит сверху, в виде снарядов, но не к той, что подкрадывается незаметно, выбирая жертву с холодной расчётливостью.

А пули продолжали лететь. И в этом была самая страшная часть: они не следовали законам баллистики. Они изгибались. Они преследовали.

Один из солдат, молодой парень из третьего дивизиона, клялся, что видел, как пуля, выпущенная в его товарища, на мгновение зависла в воздухе, словно выбирая, куда ударить, а затем резко изменила траекторию и вонзилась точно в сердце. Другие говорили о тенях, мелькающих среди дыма, о фигурах, которые появлялись и исчезали, будто растворяясь в воздухе.

Страх начал ползти по рядам, холодный и липкий, как иней на стенах. Он проникал под шинели, сковывал движения, заставлял руки дрожать. Артиллеристы всё чаще оглядывались через плечо, ожидая увидеть за спиной чёрный силуэт с винтовкой, направленной прямо в сердце.

Литиум наблюдал за этим с высоты своего наблюдательного пункта. Его лицо оставалось бесстрастным, но в глазах читалась тревога. Он не верил в магию, не верил в проклятия — он верил в силу огня и металла. Но сейчас эта вера трещала по швам.

Адъютант подошёл к нему, его голос дрожал, но он старался говорить твёрдо:

— Канцлер, потери растут. Снаряды не достигают цели — снайперы перемещаются быстрее, чем мы можем корректировать огонь. И... и эти пули... они не должны так летать.

Литиум медленно повернул голову, его взгляд был тяжёлым, как свинец.

— Мы не остановимся, — произнёс он, и в его голосе звучала не просто решимость, а обещание. — Если они хотят войны, они её получают. Пусть этот город станет могилой для них. Пусть каждый дом, каждая улица, каждый камень будет гореть. Мы сотрём их в пыль.

Он поднял руку, и в этот момент нашивка-молния на его плече на мгновение вспыхнула тусклым серебристым светом — будто откликнулась на его слова.

— Продолжать огонь, — приказал он, и его голос, усиленный мегафоном, прокатился над полем боя, перекрывая даже грохот артиллерии. — Ни одного ствола не снимать. Бить по квадратам. Не оставлять им ни шанса.

И орудия снова заговорили. Их грохот слился в единую симфонию разрушения — мощную, безжалостную, оглушающую. Снаряды летели без остановки, разрывая воздух, землю, саму реальность.

Но где-то в глубине этого ада, среди дыма и огня, мелькали тени. Чёрные фигуры с винтовками, чьи пули изгибались, преследуя свои жертвы. И каждый раз, когда звучал щелчок затвора, ещё один артиллерист падал, а страх становился всё сильнее.

Город горел. Земля дрожала. А война только начиналась.

Глава 3. «Тени в прицеле»

Дым не рассеивался. Он висел над городом плотной, маслянистой пеленой, смешиваясь с морозным воздухом и оседая на ресницах едкой копотью. После нескончаемых залпов артиллерии улицы превратились в лабиринт из руин: обугленные балки торчали, как сломанные рёбра, а снег, некогда белый, стал серым и липким от пепла. В этом мёртвом пейзаже даже тишина звучала угрожающе — она была не покоем, а затишьем перед новой вспышкой смерти.

Молодой наводчик по имени Каэль стоял на коленях среди обломков, всё ещё сжимая в руках осколок гильзы — единственное, что осталось от его расчёта. Он не помнил, как выжил. Помнил только ослепительную вспышку, ударную волну, которая швырнула его в сторону, и жуткое ощущение, будто сама смерть на секунду задержала дыхание, прежде чем пройти мимо.

Когда дым немного рассеялся, Каэль увидел тела своих товарищей. Они лежали неестественно ровно, будто их аккуратно уложили, а не бросили после взрыва. Но самое страшное

было не в позах, а в том, что он обнаружил, когда, дрожащими руками, перевернул тело старшего наводчика.

На груди, прямо над сердцем, сквозь обгоревшую ткань мундира проступал символ — не просто след от ожога, а чёткий, будто выжженный раскалённым клеймом узор. Он напоминал переплетение молний и костей, странный, неестественно симметричный, словно его рисовали не рукой, а чем-то иным. Каэль провёл по нему пальцем, и кожа под рисунком была холодной, неестественно холодной, будто металл, а не плоть.

— Что это? — прошептал он, но никто не ответил. Вокруг были только мёртвые.

К нему подошёл сержант из соседнего расчёта, его лицо было чёрным от копоти, а глаза — пустыми.

— Не трогай, — хрипло сказал он. — Это их метки. Мы нашли такие же ещё на троих. На тех, кого не разорвало снарядами. На тех, кто умер от пули.

— От пули? — переспросил Каэль, поднимая взгляд. — Но как... как пуля могла выжечь такое?

Сержант лишь покачал головой и сплюнул на снег, который тут же потемнел.

— Ты видел, как они стреляют, парень. Эти пули... они не просто убивают. Они что-то делают с телом. И эти знаки... никто не знает, что они значат. Но офицеры шепчутся, что это не просто война. Это что-то другое.

Каэль сжал кулаки, чувствуя, как гнев медленно вытесняет шок.

— Я найду того, кто это делает, — произнёс он твёрдо, и его голос прозвучал неожиданно громко в этой мёртвой тишине. — Я найду снайпера, который убил их, и заставлю его объяснить.

Путь к разгадке начался не с погони, а с пыли. С пыльных полок архива в полуразрушенном здании штаба, куда Каэля направили помогать разбирать уцелевшие документы. Здесь пахло сыростью, старым пергаментом и страхом — запахом, который въедается в стены там, где люди слишком долго ждали плохих новостей.

Он перебирал папки, не зная, что ищет, пока его взгляд не зацепился за потрёпанную тетрадь с пометкой «Особо секретно. Не вскрывать без приказа Канцлера». Каэль огляделся — в зале никого не было, только тусклый свет керосиновой лампы дрожал на столах. Его пальцы дрогнули, но любопытство оказалось сильнее страха.

Внутри тетради были не отчёты и не карты, а наброски, схемы и странные заметки, написанные неровным, почти истеричным почерком. На одной из страниц снова мелькнул тот самый символ — выжженный на телах жертв. Рядом с ним — имя: «Гоголь Кан».

«Царь теней, — гласила запись. — Не человек. Не дух. Что-то между. Легенды говорят, что он заключил сделку с силами, что старше самой земли. Его снайперы — не просто стрелки. Они — проводники. Их пули несут не свинец, а волю тьмы».

Каэль вчитался в строки, чувствуя, как по спине ползёт холодок, не от мороза, а от чего-то гораздо более древнего. Дальше шли упоминания о ритуалах, о жертвоприношениях, о том, как Гоголь Кан якобы «кормит» свои винтовки кровью и страхом, чтобы они могли изгибаться в полёте, преследуя жертву, как живые существа.

Это звучало как бред. Как сказки для детей, чтобы пугать их перед сном. Но Каэль вспомнил тот символ на груди своего товарища. Холодный. Идеальный. Невозможный.

Дверь скрипнула, и в зал вошёл адъютант Литиума — тот самый, с нашивкой-молнией на плече. Его взгляд скользнул по Каэлю, задержался на открытой тетради, и лицо адъютанта стало жёстким.

— Ты не должен был этого видеть, — произнёс он холодно. — Эти записи не для солдат.

— Но они объясняют, что происходит, — возразил Каэль, не опуская глаз. — Эти символы... эти пули... это не просто тактика. Это... это что-то большее.

Адъютант вздохнул, и на мгновение маска строгости спала, обнажив усталость.

— Да, — тихо признал он. — Это больше, чем мы готовы признать. Канцлер Литиум верит, что огонь и сталь могут победить всё. Но даже он... даже он иногда смотрит на эти записи и задумывается: а что, если мы воюем не с армией, а с проклятием?

Каэль почувствовал, как внутри него что-то щёлкнуло — как затвор винтовки, готовый к выстрелу.

— Тогда я должен узнать правду, — сказал он твёрдо. — Если это проклятие, я найду способ его снять. Или того, кто его наслал.

Адъютант долго смотрел на него, будто оценивая, стоит ли доверять. Потом кивнул.

— Хорошо. Но будь осторожен. Эти архивы хранят не только знания. Они хранят и безумие. Многие, кто копал слишком глубоко, начинали видеть тени там, где их не было. И слышать щелчки затворов в полной тишине.

Ночью город стал ещё более чужим. Газовые фонари мерцали, как больные глаза, а тени от руин вытягивались, становясь длиннее и темнее, будто пытаясь дотянуться до живых. Каэль шёл по пустым улицам, держа в руке фонарь, свет которого казался жалким и беспомощным перед лицом надвигающейся тьмы.

Он остановился у края площади, где когда-то стоял памятник павшим, а теперь осталась только груда камней. И вдруг он услышал это.

Щёлк.

Тихий, едва уловимый звук, который он теперь знал слишком хорошо. Звук затвора снайперской винтовки.

Каэль замер, его сердце забило где-то в горле. Он медленно поднял голову, вглядываясь в темноту между крышами. Там, на фоне багрового неба, мелькнула тень — не просто силуэт, а что-то, что двигалось не так, как двигается человек. Слишком плавно. Слишком бесшумно.

Ещё один щелчок. Ближе.

И в этот момент Каэль понял: он не просто ищет снайпера. Он сам стал мишенью.

Фонарь в его руке дрогнул, и луч света скользнул по стене, выхватывая из темноты ещё один символ — такой же, как на телах его товарищей. Выжженный прямо на кирпиче, будто оставленный в насмешку.

Тень на крыше шевельнулась.

Каэль крепче сжал кулаки и шагнул вперёд, прямо навстречу темноте.

— Покажись! — крикнул он, и его голос эхом прокатился по пустым улицам. — Ты думаешь, я боюсь? Я видел смерть. Я смотрел ей в лицо. Так давай, покажи своё!

Но ответом ему была тишина. И в этой тишине Каэль почувствовал нечто новое — не страх, а холодную решимость. Он поклялся, что найдёт того, кто прячется в тенях. Что раскроет тайну символов. И что, если придётся, встретится лицом к лицу с самим царём теней — с Гоголь Каном.

Город затаил дыхание. Тени ждали. А Каэль шёл вперёд — в самое сердце тьмы.

Глава 4. «Огонь против тьмы»

Ночь накрыла руины ледяной столицы плотным саваном. Мороз крепчал, и каждый вдох обжигал лёгкие, будто в грудь вонзались тысячи ледяных игл. Но холод был не самой страшной вещью, что витала в воздухе. В нём чувствовалось напряжение — как перед грозой, когда небо чернеет, а птицы замолкают, предчувствуя беду.

Канцлер Литиум стоял на командном пункте — в уцелевшем подвале бывшего банка, теперь превращённого в штаб. Стены были увешаны картами, исчерченными красными линиями, но Литиум не смотрел на них. Его взгляд был прикован к нашивке-молнии на собственном плече. В темноте она слабо мерцала — едва уловимо, как тлеющий уголёк, который вот-вот разгорится. Он провёл по ней пальцами, и металл отозвался странным теплом, почти обжигающим.

— Меняйте тактику, — голос Литиума звучал твёрдо, но в нём сквозила усталость. — Больше никакого хаотичного огня. Мы бьём точно. По квадратам, где чаще всего фиксируют снайперов. Пусть артиллеристы работают парами: один наводит, второй следит за каждым движением. Никакой самодеятельности.

Офицеры переглянулись. В их взглядах читалось не столько непонимание, сколько страх — тот самый липкий, холодный страх, который пробирается под броню и сковывает мышцы. Они знали: точечные удары требуют идеальной координации, а в этом городе, где тени двигались сами по себе, любая ошибка могла стоить жизни.

Первые залпы прозвучали на рассвете, когда небо окрасилось в зловещий багровый оттенок — будто сама заря была пропитана кровью. Батареи, выстроенные в строгом порядке, дали залп по трём ключевым точкам: крыша собора Святого Мартина, руины старой фабрики и заброшенный вокзал. Снаряды ушли в небо, оставляя за собой дымные хвосты, и упали точно в цель.

Но вместо ожидаемого грохота взрывов — тишина.

Нет, не полная тишина. Был звук — странный, неестественный. Снаряды падали на землю, но не разрывались. Они просто... лежали там, холодные и бесполезные, как мёртвые птицы.

На второй батарее ситуация была ещё хуже. Стволы орудий раскалялись добела, металл начинал светиться тусклым оранжевым светом, будто внутри них бушевало невидимое пламя. Артиллеристы отступали, обжигая руки о раскалённые станины, а один из наводчиков закричал, указывая на прицел:

— Оно движется! Оно само поворачивается!

И правда: гаубица медленно, с жутким скрежетом, разворачивалась, игнорируя усилия расчёта. Её ствол смотрел теперь не на руины, а прямо на ряды собственных солдат.

— Отключить! — кричал офицер, но техники только разводили руками, их пальцы дрожали, а глаза были расширены от ужаса. — Что с механизмами?!

— Ничего не работает! — один из техников сорвался на крик. — Приводы будто... будто их кто-то держит. Как будто сама пушка сопротивляется!

В другом секторе ситуация была не лучше. Миномётные расчёты докладывали, что взрыватели не срабатывают. Снаряды падали и просто откатывались в сторону, не причиняя вреда. А на позициях ракетниц ракеты отказывались запускаться — их двигатели гудели, но не загорались, а потом внезапно замолкали, будто кто-то невидимый гасил пламя одним прикосновением.

Литиум слушал доклады, и его лицо становилось всё мрачнее. Он чувствовал, как под мундиром струится холодный пот, а нашивка-молния на плече пульсирует в такт его сердцебиению.

— Это невозможно, — прошептал адъютант, стоя рядом. — Механизмы не могут... так себя вести. Это не поломка. Это...

— Проклятие, — закончил за него Литиум, впервые произнеся это слово вслух. Раньше он презирал такие слова, считал их уделом суеверных крестьян. Но сейчас, глядя на то, как его

армия — его гордость, его сила — рассыпается на глазах, он был вынужден признать: что-то здесь было не так. Что-то древнее и злое противостояло его огню.

К полудню ситуация стала критической. На одной из батарей произошёл взрыв — не от вражеского огня, а изнутри. Орудие разорвалось, убив троих артиллеристов и ранив ещё пятерых. Осколки металла были странно изогнуты, будто их скрутила невидимая сила. Техники, осматривавшие обломки, шептались, что металл «вёл себя неправильно» — он не просто треснул, а словно... растёкся, как воск.

Литиум вышел на улицу, чтобы подышать свежим воздухом, но даже здесь его не оставляло ощущение, что за ним наблюдают. Тени от руин казались слишком длинными, слишком плотными, будто они не просто поглощали свет, а пожирали его.

Он поднял голову и посмотрел на небо. Оно было чёрным, хотя до заката оставалось ещё несколько часов. Тучи клубились, образуя странные узоры, напоминающие те самые символы, что находили на телах жертв.

И в этот момент молния на его нашивке вспыхнула.

Не просто засветилась — вспыхнула, как разряд, на мгновение озарив всё вокруг холодным голубым светом. Литиум отшатнулся, прижимая руку к плечу, чувствуя, как металл обжигает кожу.

— Канцлер! — адъютант выбежал за ним, его лицо было бледным. — Мы получили донесение: на северной окраине видели фигуру. Высокую, в чёрном плаще. Говорят, это был он... Гоголь Кан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.